

З. К. ТАРЛАНОВ
(Петрозаводск)

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются евразийские (восточные) заимствования в русском языке, их статус, количество, степень привязанности к этнокультурной среде в сопоставлении с заимствованиями из западно-европейских языков в качестве отдельной, малоизученной проблемы русского языкознания. Сама эта проблема ставится в контексте таких общеизвестных русской интеллигентской среде XIX–XX веков философско-культурологических концепций, как *западничество*, *славянофильство* и *евразийство*.

Ключевые слова: заимствования, восточные языки, западноевропейские языки, евразийство, межкультурная коммуникация, этническая ментальность, этнический язык и этнокультурная стратификация, язык народный и литературный, типология.

Обозначенная тема как будто бы в полной мере вписывается в проблематику общей теории заимствований в русском языке, которая считается относительно хорошо изученной не только в целом, но и по периодам его истории.

И в самом деле, русское историческое языкознание представляет достаточно ясную и полную картину того, на какие именно периоды русской истории приходится заимствования из тех или иных языков, каковы были их причины и объемы.

При этом отчетливо выделенными оказываются две неравноценные по устанавливаемым результатам обобщенно-культурные зоны заимствований – Восток и Запад. Соответственно заимствования так и называются — восточные (из восточных языков) и западные (из западных, главным образом — западноевропейских, языков).

В то же время степень изученности, систематизированности каждой из двух названных групп, равно как и объемы материалов,

привлекаемых для их рассмотрения, глубина анализа, далеко неодинаковы.

Займствованија из европских језика, укључујући и западноевропски, истражени и описани последователно и полно почти на свему протежану историје руско-европских културно-историјских и других контаката. У резултату наука о руском језику располаже неопходним подацима о времену, тематици, објема лексичких, лексико-фразеолошких, терминологичких займствованија у руском језику, на пример, из древногрчког, старославјанског, пољског, латинског, холандског, италијанског, немачког, француског, енглеског и других језика.

Више тога, ови подаци већ с средине XIX в. регуларно општају у већим речницима, укључујући у себе десетке хиљада речничких јединица.¹

Сасвим по-другому стоји ствар са займствованијама из источних језика.

Сами ови займствованија не само да не систематизирани, него и не откривени, не говорећи об њих паспортизацији по одвојеним језицима, тематској и историјско-хронолошкој локализацији, количественних и квалитетних карактеристикама и т. д.

То, што је познато у овој области, веома фрагментарно, приближително, веома далеко од какве би то било систематизације при томе, што руско-источни културно-историјски контакти, сложивши се на заре руске државности, не преривали се на протежану свје ове историје и тим самим по својој продужителности и густоти превазилазили одговарајуће руско-западне контакте.

Ово околност важно имати предвид, јер сами језички займствованија — то резултат стабилних межкултурних, међетничких, междодржавних контаката, веза и интеракција.

У то исто време сами ови везе и интеракције одређују се као природно-историјским условима постојања контактирајућих етноса, тако и одговарајућим владајућим у друштву, држави тога или другог времена стихийним приверженошћима или продуманим концепцијама развоја и међународног сарађивања. Ови концепције носе програмски, стратегијски карактер. Ван таквог историјско-културног контекста тешко објаснити, к чему, займствованија у древноруском језику из древногрчког

---

¹ См., на пример: Новиј речник 53900 страних речи, уведен у руски језик / Под редакцијом Лучинског. Издање 3-је, веома допуњено и исправљено. — М., 1879–1880.

ского, в русском языке XVII в. — из немецкого и других европейских языков, в XVIII в. — из французского, в конце XX в. — из английского и т. д.

Наиболее общими, стратегически ориентированными, методологически оснащенными и общеизвестными из подобных концепций в интеллигентской среде в России за последние два столетия являются, как известно, три концепции — это так называемые *западничество*, *славянофильство* и сложившееся гораздо позже них и противостоящее обоим этим направлениям *евразийство*.

Если в порядке опыта перевести этапы сосредоточенности и плотности исследовательского интереса к изучению иноязычных заимствований в русском языке в общекультурное русло и попытаться соотнести их с упомянутыми тремя философско-культурологическими концепциями, то картина получается весьма выразительная, но однобокая.

Внушительными результатами лингвистических исследований наиболее обеспечено лишь западничество — русско-европейская межкультурная коммуникация.

Эпизодически и нефронтально представлено славянофильство — внутриславянская межкультурная коммуникация.

Абсолютно не обеспечено внятыми языковыми данными евразийство, то есть тот аспект, который ведет к раскрытию как раз наиболее длительного периода в русской межкультурной коммуникации и связан с устойчиво декларируемой неповторимой самобытностью России как империи взаимно дополняющих культур, чуждых конкуренции и подавления друг другом.

Дело не только и не столько в декларировании.

Дело в понятной типологии быта, наработанной в результате длительных межэтнических исторических контактов и засвидетельствованной данными языка.

Обратимся предварительно к следующим двум констатациям:

Констатация I.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля в статьях на буквы А и Б зарегистрированы, в частности, следующие слова, которые безусловно должны быть отнесены к евразийским (задачи анализа требуют их перечисления с сокращенным указанием значений, данных в словаре): **аба** (квк.) <толстое белое сукно>; **абаз(с)** квк. <персидская серебряная монета, около 20 копеек>; **абдал** (персид. монах?) <обманщик, плут, оплетала>; **абатур, абатура** ряз. влд. вят. сар. <упрямец, неслух, околотень, наглец, нахал, болван, дурак>;

абдраган <каз. орнб. (татарск.? дрожать?) страх, испуг, боязнь>; **абутор** арх. <медведь-самец>; **ага** в притурецк. и татар, област, <старшина, начальник>; **айда, гайда** вост. и сиб. татарс. <принудительный окрик, повелительное, иди, идем>; **акжилан, акзилян** татарс. <змея, царь-змея, князек-змея>; **алафа** <стар. татр. жалованье; дача, паек; фураж на лошадь; ныне лафа, счастье, удача>; **алгебра** <наука счисления буквами и другими условными знаками>; **алкоран** <коран, книга мусульманского закона>; **алым, алыма** ряз. влд. <простак, простофиля, разиня, глуповатый парень>; **аманат** <закладчик; человек, взятый в залог>; **аман** <в областях, пограничных с Турцией, с Азией: пардон, помилование, пощада>; **амбар, анбар** <строение, для складки зернового хлеба, муки, а иногда и других товаров>; **амин** <истинно, воистину, подлинно, верно и крепко>; **амулет** араб. <талисман, привеска, ладанка; охрана от порчи, оберег и т. д.>; **араба** <арба>; **арак** <водка, выгнанная из сахарного тростника, патоки, риса или изюма>; **аранцы, оранцы, ранцы?** <сиб. каменистые, скалистые горы>; **арба** <повозка, телега различной постройки>; **арбуз; аргал** <астрх. монгольск. навоз, сухой помет скотский на топливо>; **аргасун** (см. аргал); **ардаш, ордаш, урдаш** <самый плохой шемаханский и персидский шелк>; **аркалык** <татр. перм. чересседельник; поддевка, поддевок>; **аркан** <вост. татр. всякая веревка, вервь; шерстяная, врлосяная веревка из грив и хвостов; привязь конская: лошадь пущена на аркане>; **армяк** <кипорная ткань верблюжьей шерсти; крестьянский кафтан, сшитый из армячины>; **арса, арца** <ирк. высушенные остатки после перегонки араки, молочной водки; род сухого сыра>; **архалук, архалух, архалык** (см. аркалык); **арь ж. арье?** <след зверя по пороше>; **арьюш** <олений обоз, караван или передовая часть его с вожаком>; **арьян** <татр. прм. дон. айран, орнб. молочная кваша с водою для питья>; **асаул** <татр. ныне эсаул, ясаул; чин капитана в казачьих войсках; помощник атамана>; **асбар** или **околач** <каз. смб. черемисская деревня>; **ата, атай** <татр. отец>; **атлас** <татр. плотная шелковая ткань с лоском>; **атька, атя, атенька** <м. ряз. тул. отец, атец, атя?>; **аул** <деревня, селение, поселок>; **ач-ач** <астрх. окрик на рогатый скот; местами на овец>; **ашать** что <повсюду, где есть татары: есть, обедать>; **баба** или **бабай** <татр. нврс. орнб. дед, бабушка, старик>; **бабуши** <тур. туфли, калоши без задников, верхняя обувь>; **багана** <прм. татар. палка, кол, шест; деревянный крюк>; **бадаржан, баджан, астрх. батлажан, баклажан, подлажан** <баклажан>; **базар** <татр. торговля на открытом месте; торжище, торг, рынок>; **байгуш** <орнб. нищий из кочевых инородцев; астрх. отдаленный хуторок>; **байдан** <ряз. влгд. пустырь (майдан?)>; **байрак** (см. буерак); **байрам, бейрам** <два подвижные праздника у мусуль-

ман, после уразы); **бакшиш, бахчиш** <татр. гостинец, на чай, на водку, могоарычи>; **балаган** <татр. барак, сарай, навес; юж. пристанище под кровлей>; **балка** <татр. дол, долина, длинный и широкий природный овраг>; **балкон** или **балхон** <висячая площадка или выступ с перилами, приделанный извне к дому>; **барабан** <военно-музыкальное орудие>; **баран** <овечий самец>; **барма, барама, брама** <оплечья, ожерелье на торжественной одежде со священными изображениями>; **басалык** <татр. наязень. кистень>; **басурман, бусурман, босурман, бесермен, басурманин** <неверный, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправославный>; **батарь** <тмб. сорная крупная трава, бурьян>; **батер** <таволга, таволожник, идущий на кнутовища>; **батура?** <ряз. абатур, обатур влгд. упрямец>; **батырь** <у наших и соседних азиатцев: молодец, ловкий силач, храбрец>; **бахта, пахта**, ошибочно **бафта** <набивная бязь, обычно мутно-красная; тоб. большая фата; арх. гагачий пух>; **бахча** (см. бакча); **башлык** <прм., сиб. начальник, голова, атаман; квк. казач. верхняя шапка от непогоды>; **башмак** <татр. башмаки, выступки, обутки>; **баштан** (см. бакча); **бег, бек, бей** <в сопредельных с Азиейю областях: старший, начальник, голова, родоначальник>; **бесермен** (см. басурман); **бешбармак, бишбармак** <блюдо; орнб. о дурно приготовленном кушанье>; **богатырь** <татр. человек рослый, дородный, дюжий и видный; необычайный силач>; **бомазея** <бомбазин, плотная, мягкая и ворсистая с исподу, теплая бумажная ткань>; **бугай** <племенной бык>; **буза** <сусло, молодое пиво или брага; особый напиток>; **буйла, буйло, буйвол** <турецкий, азиатский бык и корова>; **бухтарма** <татр. мездра>; **бязь** <азиатская, персидская и бухарская ткань, бумажный холст>.²

Приведенный список слов значителен сам по себе. С привлечением данных по всему Словарю В. И. Даля количество подобных слов возрастет в сотни раз.

Сами эти и подобные слова, хотя по интенсивности употребления и привязаны преимущественно к тем или иным российским территориям, тем не менее не являются ни собственно областными, ни синхронно поздними, а, охватывая широкое просторечие, выходят далеко за пределы русского языка нового времени.

Так, почти весь приведенный список слов с теми или иными вполне понятными отклонениями в ту или иную сторону отмечен в

---

² Слова приводятся по изданию: Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Набрано и напечатано со второго издания «1880–1882 гг.» Т. I. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — С. 1–159.

новейшем «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» под редакцией О. С. Мжельской,³ а также в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» под редакцией Ф. П. Филина и др.⁴ Различия между словарями в рассматриваемом плане сводятся не только к разнице материалов, извлеченных из соответствующих обследованных документов, но и к полноте семантического описания слов в словарных статьях и к тщательности этимологических справок. С точки зрения этимологических справок к соответствующим словам, которые существенны в наших целях, наибольшей полнотой характеризуется «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков».

Констатация II.

На ту же букву А в Словаре В. И. Даля приводится огромное количество слов, в том числе и слов-терминов, из европейских языков, например: **абажур**, **аббат**, **абдикация** <отречение, отказ от сана и власти>, **абerrация**, **абонировать**, **абордаж**, **абориген**, **абракадабра**, **аббревиация**, **абрис**, **абсида** <две конечные точки орбиты>, **абсолютный**, **абстрактный**, **абсцесс**, **абсцисса**, **абцуг** <нем. каждая метка в картежной игре, вправо и влево>, **абшнит** <нем. отдел, отсек, отрез>, **авангард**, **авантюрин** <порода кварца>, **авария**, **авва**, **авгит** <ископаемое из рода пироксена>, **август**, **авизо**, **авиз**, **аврал**, **авран** <растение из сем. норичниковых>, **аврикула** <растение — медвежья ушки>, **аврипигмент** <золотистый мышьяк>, **аврора** <утренняя заря>, **австерия** <при Петре I гостиница, трактир, харчевня>, **австральный** <южный, в южном полушарии находящийся>, **автограф**, **автор**, **автодафе** <дело веры, подвиг веры>, **агава** <амер. растение — сабур, столетник>, **агальматолит** <камень тальковой породы>, **агама** <родовое или семейное название тропических толстоязычных ящериц>, **агат** <камень разных цветов>, **аггел** <злой дух, дьявол>, **агент**, **агитация**, **агиасма** <црк. освященная, святая вода>, **агония**, **аграманты** <фрнц. узорочные плетевки из снурков>, **аграфа** <фрнц. брошка, насадка>, **агрегат**, **агрест** <крыжовник>, **агрономия**, **агути** <южноамериканский золотистый заяц>, **адажио** <итал. протяжный, тихий, медленный размер>, **адвокат**, **аденология** <наука о железах в животном теле>, **адепт**, **адинамия** <бессилие, слабосилие>, **администрация**, **адмирал**, **адонаи** <евр. црк. Господь-Сый, одно из имен

³ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. / Под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1. — СПб.: «Наука», 2004.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. См., напр., вып. 9 (М) / Гл. редактор Ф. П. Филин, редактор Г. А. Богатова. — М.: «Наука», 1982.

Всевышнего), **адонис** <растение стародубка, из сем. лютиковых>, **адресовать**, **адрет** <фрнц. ученой собаке: на дыбы! лапами на грудь хозяина>, **адрианопольский** (цвет), **адулярый** <лунного цета камень>, **адьютор** <помощник>, **аер** <воздух>, **ажю** <торговое: переплата>, **ажур**, **азарт**, **азимут**, **азоические** <греч. первозданные>, **азот**, **аир** <болотное растение>, **академия**, **акар** <моль. тля>, **акация**, **акафист** <церковная хвалебная песнь>, **аквамарин** <камень из рода изумрудов>, **акклиматизировать**, **аколит** <греч. неразлучный спутник>, **аккомпанировать**, **аконит** <растение, лютик>, **аккорд** <фрнц. согласие, созвучие>, **аккредитовать**, **акрида** <црк. сарана, саранча>, **акробат**, **акростих**, **аксельбант**, **аксессуары** и т. д. и т. д.

Этот перечень можно продолжить очень долго.

Только что приведенные и подобные им слова, строго говоря, вообще не имеют отношения к разговорному языку, хотя и зафиксированы в словаре, традиционно считающемся словарем живого языка.

В связи с этим возникает вопрос и о том, насколько адекватна традиционная оценка Словаря В. И. Даля как «областнического», как словаря *живого великорусского языка*.

В целом и по истечении ста пятидесяти лет со дня его издания мы не знаем, сколько в нем слов литературных, областных (диалектных), разговорных, просторечных, терминологических, заимствованных-разговорных (т. е. употребительных только в разговорном языке) и заимствованных-книжных (т. е. употребительных только в книжном языке) и т. д.

Тем не менее анализа лексического состава Словаря как не было, так и нет.

Эти вопросы хотя и важны сами по себе, но не имеют непосредственного отношения к теме обсуждения.

Возвращаясь же к поставленной задаче, попытаемся сопоставить ряды слов первой и второй групп (констатации), выявляя в них типологические сходства и различия.

Общие, объединяющие их черты исчерпываются, пожалуй, тем, что и те и другие являются заимствованиями с профессионально-научной точки зрения, но не с точки зрения носителей языка. Для носителей языка, не имеющих специальной подготовки, иноязычность слов первой группы неочевидна.

В остальном они абсолютно противоположны, а именно:

1. Слова первой группы попадали в русский язык в процессе непосредственных контактов между носителями соответствующих

языков, т. е. естественно, в то время как слова второй группы подобных контактов не предполагали.

2. Слова первой группы проникали в русский язык устно,⁵ о чем свидетельствует и их варьирующееся внешне-звуковое оформление, в то время как слова второй группы — исключительно письменным путем.

3. Слова первой группы являются древнейшими заимствованиями в русском языке, что подтверждается их системной (фонетической, лексико-семантической, грамматической) вписанностью в его структуру, а также фиксациями в древнейших письменных памятниках и данными историко-этимологических словарей. Слова второй группы — это поздние заимствования, за исключением заимствований из древнегреческого.

4. По сферам употребления слова первой группы являются почти исключительно народно-разговорными, слова второй группы — исключительно специально- книжными либо терминологическими.

5. Слова первой группы семантически размыты, неконкретны, диффузны, характеризуются территориально обусловленной вариативностью, как это вообще свойственно народному языку. Слова второй группы семантически строги, вполне определены, народу, народным массам в широком смысле слова чужды и непонятны. И в этом случае вполне уместны слова Н. С. Трубецкого относительно народного восприятия западной культуры: «Западная культура в народную массу (во все времена. — З. Т.) проникала гораздо слабее, не затрагивая глубин народной души».⁶

6. Слова первой группы составляют принадлежность народных говоров, иногда поднимаясь до уровня просторечия и разговорного языка, а далее редко — и языка литературного (ср., напр., *аманат, амбар, армяк, аршин, башмак, башлык, кисея, зипун, войлок, кошма, сарафан, тулуп, кумач, чулок, камка, каракуль, сарай, балаган, чулан, очаг, сундук, чубук, кибитка, тюфяк, караул, колчан, аркан, аргамак, сайгак, табун, лошадь, караковый, чалый, буланный, бирюк, барсук, карандаш, сурьма, кизяк, арбуз, алтын, барыш, могорыч, базар, казна, балда, болван, каюк, кавардак, кутерьма, якишаться* и др.), в то время как слова второй группы — это достояние письменно-

⁵ На это обстоятельство указывает и Л. А. Булаховский, говоря о тюркском влиянии на русский язык. См.: Курс русского литературного языка. Харьков: «Радянська школа», 1936. С. 12.

⁶ Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык / Вступительные статьи академика Н. И. Толстого и профессора Л. Н. Гумилева. — М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1995. С. 134.

-книжного, строгого литературного языка либо функционально ограниченного метаязыка.

7. Словами первой группы пользуется крестьянское, деревенское население, словами второй группы — ограниченно-городское население, а именно наиболее образованная его интеллигентская часть.

8. Слова первой группы обслуживают тематические поля быденной жизни, быта в широком смысле, межкультурные контакты на низовом уровне, слова второй группы — интеллектуальную жизнь, культуру, образование, науку по европейским образцам.

9. Воспроизведение звукоряда слов первой группы, их произношение, как правило, не требуют вполне обычных в таких случаях специальных усилий, ибо они укладываются в сложившийся и принятый на данной территории узус. Слова второй группы требуют соответствующей культурной подготовки.

10. Слова первой группы по лексикологической и лексикографической традиции плохо либо в недостаточной мере снабжаются историко-этимологическими комментариями, весьма поверхностно папортизируются. Этот материал лексикографически не систематизируется. Все это является свидетельством отсутствия к ним надлежащего внимания в качестве существенной части русского народнорго лексического фонда. Слова же второй группы изучаются разносторонне и систематически; они сводятся вместе в многочисленных словарях заимствований, которые по сути являются словарями заимствований из западноевропейских языков.

Этот перечень признаков, разделяющих указанные две группы лексем можно было бы продолжить.

Однако вполне достаточно и приведенных признаков, чтобы понять их коренную противоположность.

В этнокультурном плане рассматриваемые группы слов относятся к разным частям русской национальной культуры, которые Н. С. Трубецкой совершенно правомерно, хотя и образно, называл «верхом» и «низом» этой культуры в зависимости от среды ее распространения⁷ — народные ли это массы или господствующие слои, претендующие на особую, элитарную культуру.

Слова первой группы и есть евразийские заимствования в русском языке.

Главной их приметой, сверх названных выше, служит то, что они восходят к восточным языкам и к восточному типу бытовой культуры.

---

⁷ Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры). С. 126.

Определить, к какому именно языку они восходят, сложно, в том числе и по причине отсутствия соответствующих исследований.

Поэтому, характеризуя их этимологически, как правило, перечисляют ряд языков, преимущественно тюркских, в которых они используются.

Вместе с тем очевидно, что многие из этих лексем по признаку их употребительности в разных языках могут быть квалифицированы как слова общевосточного фонда,⁸ т. е. как такие слова, которые прикреплены не к какой-либо одной этнической культуре, а к целому культурному типу, обнимающему много этносов вместе с их языками и коренными ценностными ориентациями.

Таким образом, общевосточный лексический фонд имеет непосредственное отношение к евразийским заимствованиям в русском языке.

Слова этого фонда проникли в русский язык в силу особого географического положения России-Евразии, расположенной между Европой и Азией, в то же время не относясь ни к той и ни к другой.⁹

В этом срединном положении Россия, согласно исследованиям такого безупречно тонкого ученого, как Н. С. Трубецкой, была более открыта для Азии, чем для Европы. Так, например, целые отрасли ее хозяйственной деятельности-финансовое хозяйство, а также сеть почтовых путей и сношений по вполне ясным историческим причинам сложились под непосредственным влиянием монголо-татарских систем, свидетельством чего являются соответствующие заимствования, бытующие в русском языке и поныне (таковы, напр., *казна*, *казначей*, *деньга*, *алтын*, *таможня*, «ямская повинность» от монгольского слова *ям* «почтовая станция»¹⁰).

Дело не только в определенных исторических обстоятельствах периода Средневековья, важных для осмысления русских культурных традиций последующих времен. Здесь прослеживаются и более тонкие струны взаимных этнических притяжений и отталкиваний, механизмы действия которых остаются пока неизвестными науке.

Н. С. Трубецкой, пытаясь найти ответы на вопросы, касающиеся глубин русской ментальности, этнокультурных ориентации, психологии в контексте проблемы «Восток–Запад», обращает внимание на

---

⁸ См. об этих словах: Тарланов З. К., Тарланов Е. З. Общевосточный лексический фонд и северокавказские языки. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2005.

⁹ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык. С. 214.

¹⁰ Там же. С. 225.

следующие разноплановые, труднообъяснимые, но тем не менее неизбежно напрашивающиеся аргументы в пользу того, что «душой» славяне тянули к индоиранцам, «телом», в силу географических и материально-бытовых условий, — к западным индоевропейцам». ¹¹

1. Собственно языковые показания: изменения согласных, общие для произношения праславянских и праиндоиранских диалектов; списки слов и корней, общих у славян с индоиранцами и неизвестных другим индоевропейским языкам, кроме, отчасти, балтийских (предлоги слав. *къ, ради, безъ, съ* — в качестве предлога-приставки; местоимения *овъ, онъ, въсь*; союз *а*; отрицательная частица *ни* — ср. *ничъто* и авестийск. *neacit*; слова с мифологическим значением: авестийск. *daevo*, новоперс. *dev* — ср. *Asmodev*, древнерусск. *дивъ* — в «Слове о полку Игореве», южнослав. *дива* «ведьма, самодива, далее *дивий, дивъ* «дикий, варварский»; отсутствие «интимных словечек», вроде союзов, предлогов и проч. среди праславянских совпадений с западноевропейскими языками и т. д.). ¹²

2. Кардинальные различия в освоении в России культурных ценностей Запада и Византии: «... все византийское несомненно усваивалось в России легче и органичнее, чем все западное». ¹³

3. «Некоторые основные движущие факторы европейской духовной культуры (например, европейское правосознание) русскими верхами усваивались плохо, народом совсем не усваивались». ¹⁴

4. Большая близость русской народной культуры по целому ряду признаков к Востоку, чем к Западу: «... граница «Востока» и «Запада» иной раз проходит именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что и те и другие славяне, а потому, что и те и другие испытали сильное тюркское влияние». ¹⁵

5. Показания народного песенного художественного творчества. Значительная часть великорусских народных песен, включая и древнейшие обрядовые и свадебные, выдержана в «так называемой «пятитонной», или «индокитайской», гамме, т. е. как бы в мажорном звукоряде с пропуском IV и VII степени». ¹⁶ Та же гамма существует у тюркских племен бассейна Волги и Камы, у башкир, сибирских татар,

¹¹ Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры). С. 131.

¹² Там же. С. 128–130.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 135.

¹⁶ Там же.

у тюрков Туркестана, у монголов, в Сиаме, Камбодже и Индокитае. «Таким образом, в данном случае мы имеем непрерывную линию, идущую с Востока. На великороссах эта линия обрывается».¹⁷

6. Типологические сходства с Востоком и в таком виде «ритмического искусства», как танцы: в противовес романо-германским танцам, исполняемым парами — «кавалером» и «дамой» одновременно, держась друг за друга и производя ритмические движения одними лишь ногами, в русских танцах, как и в танцах других азиатских народов, ни парность, ни разнополость танцующих не обязательны. «В отличие от романо-германских танцев, — пишет Н. С. Трубецкой, — в которых постоянное прикосновение кавалера к даме при бедности технических средств самого танца вносит определенный сексуальный элемент, русско-азиатские танцы носят скорее характер состязания в ловкости и в ритмической дисциплине тела».¹⁸

7. Типологические параллели эпических культур.

Русская сказка по стилю не обнаруживает параллелей ни у романо-германцев, ни у славян, зато имеет аналогии у тюрков и кавказцев.

«Русский эпос по своим сюжетам связан и с «туранским» Востоком, и с Византией, а отчасти и с романо-германским миром», но по форме никаких западных черт не имеет. В формальной части он обнаруживает слабые связи с балканским славянством, довольно сильные — «со степным «ордынским» эпосом».¹⁹

8. Этнографические показания. По Н. С. Трубецкому, русский народ не является исключительно представителем славянства. В нем много общего с угрофинами и волжскими тюрками, вместе с которыми составляют одну культурную зону. «Наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но тем не менее совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком. «Удаль», ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романо-германцам, ни славянам».²⁰

9. Антропологически и географически вся Евразия представляет собой единое целое. В отношении антропологического типа лица и строения тела нет резкой разницы между великороссом и мордвином или черемисом и вотяком, волжско-камскими финнами и волжскими тюрками (чуваши, татарами, мещеряками); татарский тип так же

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 136.

¹⁹ Там же. С. 137.

²⁰ Там же. С. 138.

постепенно переходит к типу башкир и киргизов, а от последних — к монголам, калмыкам и бурятам.²¹

Эти безусловно глубокие, разносторонние и интересные соображения Н. С. Трубецкого о евразийской природе русского культурного типа, русской ментальности и ценностных ориентации, бытующих среди народных масс, низов народных, можно дополнить также некоторыми свидетельствами синтаксического порядка.

Как показывают новейшие исследования, по направлениям развития синтаксического строя, по утвердившимся в национальный период моделям организации высказываний русский язык кардинально разошелся с генетически родственными западноевропейскими языками и типологически сблизился с некоторыми восточными языками. Речь идет, в частности, об именных, безглагольных, предложениях, столь распространенных в русском языке нового времени,²² но не получивших распространения в языках западных.

Таким образом, евразийские заимствования в русском языке — это особая, отдельная проблема русского языкознания и истории русской культуры, которая должна рассматриваться не столько в противоположении заимствованиям из западноевропейских языков, сколько в контексте выявления глубинных составляющих самобытности русской культуры, в том числе и так называемой загадочности русской души.

Для получения исторически адекватного результата эти заимствования в русском языке должны изучаться комплексно, фронтально, по данным разных возможных языков-источников, но не ограничиваться показаниями отдельных языков.

Между тем исследования рассматриваемого направления чаще всего ограничиваются либо описанием того, какие слова попали в русский язык из тюркских языков, но безотносительно к зонам их распространения (наиболее частая практика),²³ либо характеристикой соответствующих, чаще всего именно тюркских, «регионализмов» в русском языке на той или иной территории его функционирования (такие работы характерны для советского периода).

Разумеется, возможны и подобные работы. Но они не учитывают интернационального, и не только межтюркского, характера

---

²¹ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. С. 214.

²² См. об этом: Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. С. 124–160.

²³ См., напр.: Тюркизмы в восточнославянских языках / Отв. ред. доктор филолог. наук Н. Л. Баскаков. — М.: «Наука», 1974.

описываемых языковых фактов. Следовательно, в этих работах, по возможности, должны разграничиваться слова, заимствованные из тюркских языков, и слова, заимствованные из других восточных языков, но через тюркские. Именно такой путь ведет к евразийской культуре как к отдельному типу, которым охватывались многие народы Восточной Европы и Азии. Так, например, говоря о тюркизмах в русском языке, приводят, в частности, слово *зель* «карман», которое отмечено в русском языке на рубеже XVI–XVII вв.,²⁴ но в самих тюркских языках также является заимствованием из арабского *dzibnun* «карман» или персидского *dzib* «карман», ср. также пушту, дари *dzeb* «карман»; аналогично: *кирул* — араб. *qaraawul*, перс., дари *qaraawol*, пушту *qaraawul*, азерб. *гаровул* «страж, караул; или еще: *деньга* — тюрк. *танга*, перс. *teng* «соизмеримый, сопоставимый»; и т. д.

Последовательное, скрупулезное, культурно-исторически привязанное исследование и объяснение перипетий евразийских заимствований в русском языке наряду с решением собственно лингвистических задач может послужить одним из действенных инструментов к познанию пружин тех подсознательных симпатий и антипатий русской народной стихии, о которых писал Н. С. Трубецкой и из которых, по его мнению, «надо черпать указания для постройки здания русской культуры [...], чтобы русская культура была вполне «нашей»».²⁵

Summary

Z. K. Tarlanov

Problems of Typology and Functioning of Euro-Asian and European Loanwords in Russian

The paper formulates the Eurasian loan words' problem as juxtaposed that of West European ones for the first time. It also defines some Eurasian Loan words' features attributed to the general Near East lexical fund as well.

The author makes an attempt of explanation of Russian cultural type by means of its correspondence to Russia's Eurasian geographic situation.

Linguistic facts are being interpreted in the context of Westernism and Slavophilism conceptions, which had been most popular in Russian intellectual circles.

²⁴ Козырев И. С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках. С. 17; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. — М.: «Прогресс», 1997. С. 95.

²⁵ Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры). С. 139.